

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПАНТЮРКИЗМЕ: ПРОБЛЕМАТИКА, НАРРАТИВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. М. Гумеров, Ю. Н. Гусева

Московский городской педагогический университет,
Россия, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4/1

В статье зафиксирована активизация исследовательского интереса российских ученых к тематике политического тюркизма, пантюркизма на протяжении 2000–2024 гг. При помощи методов количественного и качественного анализа характеризуются основные направления исследований и научных дискуссий, наиболее распространенные академические нарративы, связанные с идейными, политическими, географическими аспектами изучения данной темы, а также обозначаются перспективные направления исследований. В результате делается вывод о многообразии научных подходов в изучении политического тюркизма в последние десятилетия в российской гуманитарной науке, их сильных и слабых сторонах.

Ключевые слова: российская историография, тюркизм, пантюркизм, российско-турецкие отношения, внешняя и внутренняя политика Турции, неоосманнизм, неопантюркизм, коллективный тюркизм.

Для цитирования: Гумеров М. М., Гусева Ю. Н. Современная российская историография о пантюркизме: проблематика, нарративы и перспективы исследований // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11, № 1. С. 46–54. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-46-54. EDN: CVEQII.

© Гумеров М. М., Гусева Ю. Н., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON PAN-TURKISM: ISSUES, NARRATIVES AND RESEARCH PERSPECTIVES

M. M. Gumerov, Ju. N. Guseva

¹Moscow City University, Russia, Moscow, 2nd Sel'skokhozyaystvennyy Dr., 4/1, 129226

The article critically examines contemporary Russian historiography on Pan-Turkism from 2000 to 2024, identifying key thematic clusters, methodological trends, and unresolved debates. Through a combination of bibliometric analysis and qualitative content evaluation, the study reveals a marked increase in scholarly output after 2015, closely tied to fluctuations in Russo-Turkish relations. The analysis distinguishes three dominant interpretive frameworks: securitization narratives framing Pan-Turkism as a geopolitical threat, cultural-historical approaches emphasizing identity formation, and policy-oriented studies analyzing Turkey's regional influence. Methodologically, the field remains divided between traditional diplomatic history and emerging interdisciplinary perspectives, with only limited engagement with digital humanities or postcolonial theory. A persistent tension is observed between essentialist interpretations reproducing imperial security discourses and more nuanced studies deconstructing the "Turkic world" concept. The article highlights significant regional asymmetries—while Volga-Ural and Crimean case studies abound, Central Asian perspectives remain underrepresented. The conclusion outlines promising research directions, including comparative studies of Turkic identity politics, critical reassessment of archival narratives, and analysis of digital media's role in Pan-Turkic mobilization. This meta-analysis contributes to broader discussions about decolonizing Eurasian studies and the evolving relationship between academic production and foreign policy discourses in post-Soviet scholarship.

Keywords: Russian historiography, Turkism, pan-Turkism, Russian-Turkish relations, foreign and domestic policy of Turkey, neo-Ottomanism, neo-Turkism, collective Turkism.

Введение

Гуманитарная наука давно и прочно включает в себя целый спектр тюркологических исследований с тенденцией к их постоянному росту. Турецкие специалисты Бурак Сёзер и Жуддыз Сахи, проанализировав тематику статей в области тюркологии, отмечают, что с 2004 г. по настоящее время количество тюркологических исследований неуклонно увеличилось [1].

Целью исследования является оценка направлений изучения политического тюркизма в последние десятилетия в российской гуманитарной науке. Для этого, используя методы количественного (частотность ключевых слов в публикациях, размещенных на платформе eLIBRARY) и контент-анализа массива статей и монографий на русском языке историко-политологического характера в 2000–2024 гг., выделим популярные темы исследований. Затем обозначим наиболее дискуссионные вопросы, зафиксируем пробелы и потенциально важные, перспективные направления будущих исследований. Наконец, сделаем несколько ключевых замечаний относительно влияния общественно-политического фона на развитие этой научной отрасли.

Важное предварительное замечание касается терминологии. В современном турецком академическом и политическом дискурсах актуальная политика Турции в отношении тюркских народов описывается терминами «тюркский мир»¹, «тюркское единство»², «тюркская мягкая сила»³. В целом, наблюдается тенденция к замене термина «пантюркизм» (Pantürkizm) на «тюркизм» (Türkçülük). Почему это происходит? В первую очередь, потому что пантюркизм исторически ассоциируется с радикальными проектами начала XX в. (например, с кампанией Энвер-паши в Средней Азии) и иными ультранационалистическими движениями. Турция сегодня позиционирует себя как центр «умеренного» тюркского мира, а открытые пантюркистские лозунги могут вызвать опасения и негативные исторические ассоциации у России, Китая и центральноазиатских республик. Это смешение имеет и историческую подоплеку: оно произошло после принятия младотурками пантюркизма в качестве официальной идеологии накануне Первой мировой войны [2].

Для турецких социальных сетей и электронных СМИ, продвигающих дискурс тюркского единства, также характерна повсеместная замена термина «пантюркизм» (Türkçülük, тюркчюлюк) на «тюркизм/туркизм» (Türklük, тюрклюк)», однако единого понимания в отношении понятия «тюрклюк» не достигнуто: одни отделяют его от турецкого национализма, другие, напротив, отождествляют. «Такое смешение терминов объясняется и намеренным выведением слова «пантюркизм» из оборота еще со времен Ататюрка», — отмечает В. Иванова [3, с. 70].

Тем временем в англоязычной литературе термин «пантюркизм» (Pan-Turkism) встречается значительно реже, чем в российской или турецкой

историографии, и обычно привязан к позднеосманскому периоду и раннереспубликанской Турции. Данный термин ассоциируется с конкретными историческими деятелями начала XX в. Современные западные интерпретации этого понятия часто носят критический и узкоспециальный характер.

В терминологическом отношении русскоязычный научный дискурс следует турецкому курсу: в описании современных тенденций развития тюркского мира и турецкой политики используются оба термина — тюркизм и пантюркизм и их производные⁴.

Наше предположение состоит в том, что исследования тюркизма/пантюркизма носят весьма динамичный и разнообразный характер, они отражают изменения академических установок российских ученых, а также современные проблемы и тревоги российской политической элиты и общества в отношении внешней политики Турции на постсоветском пространстве. Изучение прошлого, настоящего и проекция на будущее тюркизма, пантюркизма нередко носит политический характер, который обусловлен текущей социально-политической обстановкой и личными убеждениями историков.

Турция, Российская Федерация и Казахстан вносят наибольший вклад в область тюркологии (по вопросам языковых контактов и изучению языков) в целом. Россия, уступающая пальму первенства по количеству подобных публикаций только Турции, «демонстрирует сильную традицию тюркологических исследований»: «...большинство высококачественных публикаций по тюркологии написано исследователями, работающими в таких учреждениях, как Российская академия наук, Казанский федеральный университет и турецкий Университет Хаджеттепе (Hacettepe Üniversitesi)», — заключают Б. Сёзер и Ж. Сахи [1, с. 204].

Подобная тенденция вполне характерна и для проблематики политического единства тюркских народов. По ключевому слову «тюркизм» за период 2000–2024 гг. в публикациях, размещенных на платформе eLIBRARY (журналы, книги, материалы конференций), обнаруживается 458 публикаций. Ключевым словом «пантюркизм» отмечено 399 публикаций, при этом их появление хронологически неравномерно. Если в период с 2000–2015 гг. увидело свет только 87 исследований, то начиная с 2016 г. их число заметно возрастает и достигает 312.

Основные аспекты изучения тюркизма/пантюркизма в русскоязычной историографии обобщены нами (табл. 1). Далее представлено краткое описание каждого из них с выделением особо дискуссионных и слабоизученных вопросов.

Основная часть

Изученная нами историография относительно одина в определении «тюркизма/пантюркизма». Подавляющее большинство историков и политологов трактуют современный извод пантюркизма как идеологию, которая стремится объединить тюрк-

Таблица 1. Ключевые аспекты исследований тюркизма/пантюркизма в российской историографии в 2000–2024 гг.
Table 1. Key aspects of Turkism/pan-Turkism research in Russian historiography in 2000–2024

Аспект	Описание	Дискуссионные моменты
Сущность явления	Идеология, которая стремится объединить тюркские народы под единым политическим и культурным зонтиком; политико-культурное движение в поддержку общетюркской идентичности и объединения тюркских народов поверх национальных границ	Спектр оценок: от умеренно-сдержанных до тревожно-негативных
Внешняя и внутренняя политика Турции на современном этапе	Характеристика эволюции развития Турции в первой трети XX в. и ее воздействие на отношения с тюркоязычными и иными государствами и народами	Множественность понятий, отражающих суть процесса эволюции: «неоосманизм», «неопантюркизм», «пантуркизм», «коллективный тюркизм»
Тюркизм/пантюркизм в истории России	Изучение исторических корней возникновения и развития идей тюркского единства в Российской империи и СССР	Между радикальными оценками (укорененность протурецких и протюркских настроений) до умеренно-критических, ставящих под сомнение наличие реальной, заметной базы поддержки таких идей; переопределение тюркизма как «татарского» феномена

ские народы под единым политическим и культурным зонтиком; как политическое и культурное движение, направленное на поощрение общетюркской идентичности; как объединение тюркских народов поверх национальных границ и продвижение их интересов в глобальном масштабе.

Российская академия разделяет историческую и современную составляющие этого понятия. Исторически пантюркизм, сформировавшийся в недрах Османской империи на рубеже XIX–XX вв., был, прежде всего, интеллектуальным и культурным движением, разновидностью национализма восточных народов [4–6]. О. Сенюткина утверждает: «трактовка такого явления, как тюркизм, требует характеристики состояния социума, его породившего, на различных стадиях существования. Тюркизм выступает в конкретной действительности как проявление общественной активности всех слоев общества: как элиты, так и рядовых жителей деревень и городов» [7, с. 7].

Политологические оценки современного явления более разнообразны и продиктованы личными убеждениями специалистов и их отношением к Турции как к основному протагонисту данного конструкта. А. А. Сваранц определяет пантюркизм как «расистскую национал-шовинистическую, фашистскую идеологию, политическое содержание которой имеет агрессивный, экспансионистский характер» [8]. Менее категоричны специалисты, ориентированные на оценки происходящего не только в информационном поле, а, что называется, на земле [9].

Отношение российских научных школ к современной внутренней и внешней политике Турции не унифицировано, однако, именно оно во многом задает тон оценочных суждений в отношении пантюркизма как явления современной политики.

Большинство исследований фиксирует тесную связь концепции неоосманизма как неофициальной внешнеполитической доктрины Турции и пантюркизма, направленной на использование культурных и исторических связей для расширения ее влияния, утверждения в роли регионального лидера [10, с. 2; 11]. Изучается новая форма турецкого национализма, значительное влияние на который оказывает внешняя политика «неоосманской» эпохи, способствующая тюркоцентрической интеграции в рамках так называемого тюркского мира [3, с. 65; 5, 12].

Доминирующим фреймом большинства политологических публикаций является идея о том, что с приходом к власти Р. Т. Эрдогана страна взяла курс на постепенное возвращение Турции в мировую политику, а лейтмотив пантюркизма, сопряженного с неоосманизмом, постепенно стал локomotивом внешнеполитического движения этой страны. В. Надеин-Раевский предлагает именовать современный этап в развитии пантюркизма «пантуркизмом», целеполаганием которого является культурное и политическое объединение всех тюркских народов под эгидой Турции [13].

Современный национализм Турции характеризуется политическим эгоизмом, который осложняет отношения страны с мировыми державами, в частности с Россией и Соединенными Штатами, и стремлением проводить экспансионистскую политику в отношении тюркских государств в Центральной Азии и на Кавказе [12, 14, 15].

Еще в 2013 г. был предложен термин «неопантюркизм» для характеристики актуальной внешней политики Турции [10, с. 67–68]. Однако принципиальное отличие его от пантюркистских идей прошлого — неочевидно. «Неопантюркизм» в более поздней трактовке В. Аваткова подразумевает, что Анкара «должна будет играть роль "старшего брата", контролирующего происходящее во внутривосточном поле [тюркских] государств, а также диктующего всеобщие правила игры» [16, с. 117].

Крайне негативными являются оценки пантюркизма как интеграционного инструмента, представленные в работах Н. Минасян, А. Сваранца и ряда других авторов. Их объединяет понимание конечной цели Турции как политической интеграции тюркоговорящих стран с включением военного компонента: «создание мощного моноэтнического турецкого государства в качестве грандиозной стратегии против евразийских держав (Россия, Иран и Китай)», а лингвистическая, культурная и экономическая интеграции являются лишь ее прологами [17, с. 78; 18, 19].

В границах этой секьюритизированной логики находится подавляющее большинство политологических публикаций, посвященных пантюркизму как «инструменту воплощения экспансионистских устремлений Турецкой Республики в странах Центральной Азии». На ход анализа современных событий, предпринимаемых исследователями, исклю-

чительное влияние оказывает аналитическая оптика региональных угроз и угрозообразующих факторов, связанных с внутри- и внешнеполитическими интересами России [5, 20–23].

Воспринимаемая как зона российского влияния Центральная Азия в этих рассуждениях, как правило, представляется эссенциалистской сущностью, без понимания нюансов внутренних повесток и особенностей развития различных государств и народов. Желания и стремления Турции, реконструированные исследователями на основании актов публичной политики, часто представляются в категориях политологической концепции неореализма, которая объясняет действия всех политических игроков исключительно прагматичными отношениями жестокой конкуренции, игры с нулевой суммой. Подобная объяснительная модель турецкой пантюркистской политики продолжает свое победное шествие, обрастая новыми актуальными деталями, но не меняя своей первоначальной логики [15, 21, 24, 16, 20].

Историческая подоплека зарождения и развития политического тюркизма в Российской империи и СССР также имеет несколько полюсов оценок.

Наиболее радикальный подход демонстрирует А. Сваранц, который солидаризируется с радикальным дискурсом имперских и советских спецслужб, традиционно считавших пантюркизм политическим инструментом поощрения тюркского национально-сепаратизма и подрыва влияния России в стратегически важных регионах [18].

В таком контексте задача историков может выглядеть однозначно и безыскусно: обнаружить глубокие корни пантюркизма в истории российских регионов, населенных тюрками-мусульманами, подкрепив тем самым позиции современного алармистского подхода. Некоторые авторы успешно справляются с данной задачей [25, 26]. Такова, например, статья В. Королева, который приходит к выводу, «**что в Крыму, как и в других регионах Российской империи, где компактно проживало мусульманское население, (выделено нами. — М. Г., Ю. Г.) развивались панисламистское и пантюркистское движения**», связанные с революционной деятельностью. Он отмечает, что они имели «глубокие корни в прошлом, в той или иной степени имеют место ныне» [27]. Показательна единственная имеющаяся в данной статье ссылка на историографию — книгу А. Аршаруни, Х. Габидулина. Очерки панисламизма и пантюркизма в России 1930 г. издания — это «классика» агрессивной советской пропаганды, оправдывавшей любые репрессивные меры в отношении национальных элит.

Подобные рассуждения и оценки появляются на свет, потому что за исходную точку рассуждений некритически берутся наблюдения и оценки сотрудников российской и советской политической полиции. Это задает и фокус, и подходы, и оценочные суждения. Однако, как показали Ю. Гусева и О. Сенюткина, необходимо усомниться в корректности исходной архивной информации и аналитики имперских и советских спецслужб об активности тюркских активистов и организаций. В позднимперский период, действительно, существовали отдельные акторы и сети политического тюркизма в «мусульманских» регионах Российской империи. Однако оценка их реального, а не воображаемого влияния на массу рядовых мусульман, на реалистичные цели и ресурсы деятельности тюркистов

была сильно искажена оптикой фобий в отношении ислама и мусульман. Из-за специфики информационного обеспечения работы (Объединённое государственное политическое управление — Народный комиссариат внутренних дел) политически ангажированные оценки природы и проявлений идеи тюркской общности, рожденные в недрах имперского МВД, нередко просто воспроизводились или «перепевались» на новый лад советскими органами госбезопасности [28, 29].

Ряд исследований стремится преодолеть аналитическую оптику секьюритизированного дискурса, рассматривающего идеи тюркского единства в парадигме вызовов и угроз. Г. Луговой обращает наше внимание, что пантюркизм возник в конце XIX — начале XX вв. в ответ на сепаратистские движения в Османской империи и, прежде всего, был направлен на создание единой национальной идентичности тюркских народов, на развитие чувства этнической солидарности на основе языка, культуры и религии [4–6].

А. Юзеев именуется тюркизм «важным компонентом общественно-политической мысли татарского общества рубежа XIX–XX вв.» и выделяет две его разновидности — татарский и турецкий. По его мнению, для татарского тюркизма были характерны идеи консолидации российских тюрков вокруг волжских татар, а интересы и устремления «северных тюрков» и местного тюркизма следует отличать от османских. Именно смешением обоих понятий историк объясняет появление жупела пантюркизма в практике управления имперской бюрократии [30, с. 174–176].

Наиболее обстоятельный анализ исторических корней тюркизма в поздней Российской империи предприняла О. Сенюткина. В своей монографии она выявила предпосылки российского политического тюркизма до XX столетия и те его формы, которые ярко проявились в период с 1905 по 1916 гг. [7]. Цикл публикаций О. Сенюткиной, Ю. Гусевой посвящен проблематике осмысления пантюркизма и переплетенного с ним панисламизма имперскими и советскими чиновниками, политическими и религиозными деятелями конца XIX — середины XX вв. В указанных публикациях нашла отражение не только теоретико-методологическая основа осмысления указанной проблематики [28, 31], но и анализ специфических черт региональных проявлений пантюркизма [32].

Проведенный анализ показывает использование количественных и качественных методов в изучении этого политико-идеологического феномена. Однако можно зафиксировать ограниченность методологических подходов. Большинство исследований ориентируется на позитивистские установки, стремясь описать явление «как оно есть», используя исторические документы или материалы современных СМИ.

Исключение составляют несколько типов работ. Прежде всего, это социологические исследования, направленные на изучение распространенности тюркистских идей, тюркской идентичности и прочего, о которых упоминалось выше.

Методологической новизной отличается работа К. Аксенова и М. Андреева, которые рассмотрели распространение идей «неоевразийства» и «пантюркизма» в городских пространствах. В исследовании подчеркивается значение теории распространения инноваций для понимания распространения этих геополитических идей [33].

О. Сенюткина впервые в отечественной историографии предлагает новую концептуальную рамку для анализа интеллектуальной генеалогии понятий «панисламизм», «пантюркизм» с помощью динамической модели концептосферы. Концептосфера «панисламизм-пантюркизм» представляет собой упорядоченную совокупность обобщающих единиц мысли, отражающих и интерпретирующих мировые явления в зависимости от знаний, индивидуального опыта, специальности и социального статуса носителя языка. Исследователь приходит к выводу, что элементы этой концептосферы находятся между собой в динамическом взаимодействии, когда под воздействием совокупности социально-политических обстоятельств один из них мог доминировать, но не вытеснять другой из властного дискурса [34].

Заключение

Динамика появления статей по тематике тюркизма весьма показательна и дает основания говорить о тесной связи исследований с нюансами российско-турецких межгосударственных и общественных взаимодействий. Зафиксированный с 2016 г. всплеск интереса, вероятно, продиктован осложнением двусторонних отношений после инцидента с российским самолетом в конце 2015 г.

Российский академический дискурс о пантюркизме не является монолитным: по многим обозначенным аспектам он находится на диаметрально противоположных позициях. Доминирующий фрейм — пантюркизм и его аспекты в прошлом и настоящем как «угрожающая России идеологическая основа современной политики Турции». Анкара оценивается как самостоятельный агрессивный игрок на азиатском поле, испытывающий геополитические амбиции, создающий свой «пояс влияния» как «центр тюркского мира».

Свою лепту в нагнетание антитурецких настроений вносят исторические исследования, демонстрирующие укорененность пантюркистского дискурса в «мусульманских» регионах страны. В исторических сюжетах, основанных на документах имперской охраны и жандармерии, имеет место постоянное повторение тропов имперского политического сыска. Они, в свою очередь, мало отличаются от сегодняшних секьюритизированных нарративов. В результате, часто опосредованно и неумышленно, такие исторические публикации также льют воду на мельницу эссенциалистского прочтения пантюркизма как неизменного явления, характеризующего политику Турции на протяжении веков.

Оценки тюркизма/пантюркизма носят весьма динамичный и разнообразный характер. Они отражают изменения академических установок российских ученых, а также современные проблемы и тревоги российской политической элиты и общества в отношении внешней политики Турции на постсоветском пространстве. Даже весьма поверхностный взгляд на заголовки российских медиа показывает, что подобные установки вполне характерны для официального дискурса российских СМИ и, в свою очередь, во многом подпитываются идеями, которые транслируются политологами радикально-антитурецкого спектра.

Таким образом, актуальный общественно-политический дискурс во многом способствует росту количества статей, сфокусированных на вызовах и угрозах, которые несет с собой полноценная реализация пантюркистской парадигмы. Сходные процессы наблюдались и в советский период.

Существует и иная научная позиция, которая, безусловно, признает последовательность Турции в реализации идеологии пантюркизма как фактора продолжающегося сближения тюркских государств и народов. Однако ее сторонники обращают внимание, что наши представления об этом феномене требуют постоянной ревизии и коррекции. Исторический феномен и его современное прочтение также требуют максимально полного учета особенностей развития турецкого общества на различных этапах его существования.

Наконец, заметна и следующая закономерность: чем более абстрактны и глобальны рассуждения того или иного автора, тем легче он уходит в область алармизма и квазиполитологических оценок, сходных с дискурсом спецслужб и не отличимых от них до степени смешения.

Полагаем, что антидотом подобных аналитических и оценочных перекосов является максимально критичное отношение к изучаемым источникам, стремление более основательно погружаться в глубь турецкой внутривластной повестки, обращение к микроуровню, а также дальнейшее расширение методологических изысканий в этой области.

Наиболее значимыми для дальнейшего развития академической дискуссии и повышения качества научной экспертизы являются вопросы методологического характера и исследования микроуровня. Они связаны с пониманием механизмов распространения, мобилизации вокруг подобных идей, влияния исторической политики и новых социальных медиа на политический активизм, что позволит вывести научную дискуссию о современном тюркизме на качественно иной уровень.

Очевидно, что исследование такого рода помогут скорректировать уже имеющиеся представления о характере, сущности и потенциальных последствиях текущей политики Турции, направленной на формирование общетюркской культурной идентичности. Они также позволят усилить экспертизу текущих усилий, различных инструментов дипломатии и «мягкой силы» тюркоговорящих стран постсоветского пространства по созданию собственной тюркской идентичности. Подобная экспертиза будет иметь существенное значение для оценки рисков национальной безопасности в отношении тюркских субъектов в самой России и межгосударственных взаимодействий России со странами евразийского пространства.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00188 «Панисламизм и пантюркизм: исторический, современный и прогнозистический дискурс в лицах и событиях», <https://rscf.ru/project/24-28-00188/>.

The study is supported by the Russian Science Foundation project no. 24-28-00188 "Pan-Islamism and pan-Turkism: Historical, modern and predictive discourse in persons and events", <https://rscf.ru/project/24-28-00188/>.

Примечания

¹ «Тюркский мир» (Türk Dünyası) — нейтральный и широкий термин, обозначающий культурно-историческую общность тюркских народов. Акцент делается на сотрудничестве, а не на политическом объединении.

² «Тюркское единство» (Türk Birliği) — термин, который подчёркивает экономическую и культурную интеграцию, но без явного указания на объединение этнически родственных народов. Используется в официальных документах, например, в «Организации тюркских государств».

³ «Тюркская мягкая сила» (Türk Yumuşak Gücü) — дефиниция с акцентом на культурном, образовательном и экономическом влиянии Турции через проекты вроде ТКА (Турецкое агентство по сотрудничеству и координации) или Yunus Emre Enstitüsü (культурные центры) и пр.

⁴ Далее мы будем оперировать обоими терминами без специальных оговорок.

Список источников / References

1. Sözer B., Sakhi Z. An overview of research methods and topics used in Turkological studies. *Turkic Studies Journal*. 2024. Vol. 6, no. 3. P. 196–218. DOI: 10.32523/2664-5157-2024-3-196-218.
2. Васильева С. А. Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность // Социум и власть. 2011. № 3 (31). С. 75–78. EDN: ONSIID.
- Vasil'yeva S. A. Pantyrkizm na sovremennom etape: teoreticheskaya baza i prakticheskaya deyatel'nost' [Modern state of pan-Turkism: theoretical foundation and practical activity]. *Sotsium i vlast'*. *Society and Power*. 2011. No. 3 (31). P. 75–78. EDN: ONSIID. (In Russ.).
3. Иванова В. В. Спелое яблоко. Идеалы пантюркизма и идентификационный синкретизм // Азия и Африка сегодня. 2012. № 1. С. 65–71. EDN: OTRMXJ.
- Ivanova V. V. Speloje yabloko. Idealy pantyrkizma i identifikatsionnyu sinkretizm [Ripe apple. The ideals of Pan-Turkism and identification syncretism]. *Aziya i Afrika segodnya. Asia and Africa Today*. 2012. No. 1. P. 65–71. EDN: OTRMXJ. (In Russ.).
4. Червонная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П. Тюркизм и пантюркизм в оригинальных источниках и мировой историографии: исходные смыслы и цели, парадоксы интерпретаций, тенденции развития // Ас-Алан. 2003. № 1 (10). С. 3–478.
- Chervonnaya S. M., Gilyazov I. A., Goroshkov N. P. Tyurkizm i pantyrkizm v original'nykh istochnikakh i mirovoy istoriografii: iskhodnyye smysly i tseli, paradoksy interpretatsiy, tendentsii razvitiya [Turkism and pan-Turkism in original sources and world historiography: initial meanings and goals, paradoxes of interpretations, development trends]. *As-Alan*. 2003. No. 1 (10). P. 3–478. (In Russ.).
5. Луговой Г. А. Интеграционный потенциал пантюркизма на примере внешней и внутренней политики Турции // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2012. № 1. С. 144–151. EDN: OUJVAZ.
- Lugovoy G. A. Integratsionnyu potentsial pantyrkizma na primere vneshney i vnutrenney politiki Turtsii [The integration potential of pan-Turkism ideology]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye Otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye. RGGU Bulletin. Series Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies*. 2012. No. 1. P. 144–151. EDN: OUJVAZ. (In Russ.).
6. Горошков Н. П. Пантюркизм: генезис и эволюция (историко-политологический анализ) // Acta Orientalia Voronensia. Воронежское востоковедение: сб. науч. ст. / ред. М. В. Кирчанов. Воронеж, 2017. Т. 2. С. 114–135. EDN: ZBDYSD.
- Goroshkov N. P. Pantyrkizm: genezis i evolyutsiya (istoriko-politologicheskii analiz) [Pan-Turkism: genesis and evolution (historical and political analysis)]. *Acta Orientalia Voronensia. Voronezhskoye vostokovedeniye. Acta Orientalia Voronensia. Voronezh Oriental Studies* / ed. by M. V. Kirchanov. Voronezh, 2017. Vol. 2. P. 114–135. EDN: ZBDYSD. (In Russ.).
7. Сенюткина О. Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.): моногр. Нижний Новгород: Медина, 2007. 518 с. ISBN 978-5-9756-0022-6.
- Senyutkina O. N. Tyurkizm kak istoricheskoye yavleniye (na materialakh istorii Rossiyskoy imperii 1905–1916 gg.) [Turkism as a historical phenomenon (based on the materials of the History of the Russian Empire, 1905–1916)]. *Nizhniy Novgorod*, 2007. 518 p. ISBN 978-5-9756-0022-6. (In Russ.).
8. Сваранц А. А. Основные положения пантюркизма // Российский правовой портал: библиотека Пашкова. 2017. URL: <https://constitutions.ru/?p=12196> (дата обращения: 16.06.2025).
- Svarants A. A. Osnovnyye polozheniya pantyrkizma [Basic points of pan-Turkist] // *Rossiyskiy pravovoy portal: biblioteka Pashkova. Russian Legal Portal: Pashkov Library*. 2017. URL: <https://constitutions.ru/?p=12196> (accessed: 16.06.2025). (In Russ.).
9. Шумилов М. М. Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке. Часть 1 // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 36–53. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-6-36-53. EDN: NWUFXP.
- Shumilov M. M. Vliyaniye pantyrkizma na formirovaniye politicheskoy identichnosti tyurkoyazychnykh gosudarstv Tsentral'noy Azii v XXI veke. Chast' 1 [The influence of pan-Turkism on the political identity formation of the Turkic states of Central Asia in the XXI century (Part 1)]. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. Administrative Consulting*. 2022. No. 6. P. 36–53. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-6-36-53. EDN: NWUFXP. (In Russ.).
10. Бурашникова А. Б. Неопантюркизм и неосманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. № 2. С. 65–69. EDN: ROCXNF.
- Burashnikova A. B. Neopantyrkizm i neosmanizm vo vneshney politike Turtsii [Neopan-Turkism and Neo-Ottomanism in the foreign policy of Turkey]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2013. No. 2. P. 65–69. EDN: ROCXNF. (In Russ.).
11. Мехдиев Э. Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 32–39. EDN: VWVFMN.
- Mekhdiev E. T. «Neoosmanizm» v regional'noy politike Turtsii [“Neo-Ottomanism” in the regional policy of Turkey]. *Vestnik MGIMO-Universiteta. MGIMO Review of International Relations*. 2016. No. 2 (47). P. 32–39. EDN: VWVFMN. (In Russ.).
12. Аватков В. А., Сбитнева А. И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2022. Т. 24, № 2. С. 291–302. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302. EDN: GPTYSE.
- Avatkov V. A., Sbitneva A. I. Novyy natsionalizm Turetskoy Respubliki [New nationalism of Turkish republic]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Politologiya. RUDN Journal of Political Science*. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 291–302. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302. EDN: GPTYSE. (In Russ.).
13. Надеин-Раевский В. А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики // Ближний и постсоветский Восток. 2024. № 1 (5). С. 17–24. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.02. EDN: BKMKHC.
- Nadein-Rayevskiy V. A. Pantyrkizm v ramkakh ideologicheskoy ekspansii Turetskoy Respubliki [Pan-Turkism within framework of ideological expansion of Turkish republic]. *Blizhniy i postsovetskiy Vostok. Middle & Post-Soviet East*. 2024. No. 1 (5). P. 17–24. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.02. EDN: BKMKHC. (In Russ.).

14. Аватков В. А., Гузайеров Р. И. Евразийство в Турции: взгляд на Россию и формирование собственной парадигмы // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2024. Т. 17, № 4. С. 20–34. DOI: 10.31249/kgf/2024.04.02. EDN: LHLLTS.
- Avatkov V. A., Guzayerov R. I. Evraziystvo v Turtsii: vzglyad na Rossiyu i formirovaniye sobstvennoy paradigmy [Eurasianism in Turkey: A look at Russia and the formation of its own paradigm]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2024. Vol. 17, no. 4. P. 20–34. DOI: 10.31249/kgf/2024.04.02. EDN: LHLLTS. (In Russ.).
15. Аватков В. А., Бадранов А. Ш. «Пантюркистский» аспект в дискурсе современного татарского национального движения // *Национальная безопасность*. 2014. № 2 (31). С. 283–291. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.2.10884. EDN: RZWDEN.
- Avatkov V. A., Badranov A. Sh. «Pantyrkistskiy» aspekt v diskurse sovremennoy tatarskogo natsional'nogo dvizheniya [The pan-Turkist aspect within the discourse of the modern Tatar national movement]. *Natsional'naya bezopasnost'. Nota Bene*. 2014. No. 2 (31). P. 283–291. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.2.10884. EDN: RZWDEN. (In Russ.).
16. Аватков В. А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. № 12 (4). С. 113–129. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129. EDN: RAGRDD.
- Avatkov V. A. Ideyno-tsennostnyy faktor vo vneshney politike Turtsii [Ideology and values in Turkey's foreign policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta. MGIMO Review of International Relations*. 2019. No. 12 (4). P. 113–129. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129. EDN: RAGRDD. (In Russ.).
17. Минасян Н. А. Инструменты реализации пантюркизма в современной турецкой внешней политике и их восприятие основными региональными и внерегиональными акторами // *Россия и мир: научный диалог*. 2025. № 1 (15). С. 57–81. DOI: 10.53658/RW2025-4-1(15)-57-81. EDN: WFSTXK.
- Minasyan N. A. Instrumenty realizatsii pantyrkizma v sovremennoy turetskoy vneshney politike i ikh vospriyatiye osnovnymi regional'nymi i vneregional'nymi aktorami [Implementation instruments of pan-Turkism in modern Turkish foreign policy and their perception by key regional and extra-regional actors]. *Rossiya i mir: nauchnyy dialog. Russia and the World: Scientific Dialogue*. 2025. No. 1 (15). P. 57–81. DOI: 10.53658/RW2025-4-1(15)-57-81. EDN: WFSTXK. (In Russ.).
18. Сваранц А. А. Основные угрозы интересам Российской Федерации от идеологии и политики пантюркизма (внешние и внутренние аспекты) // *Регион и мир*. 2010. № 1. С. 3–11. EDN: WOFBMX.
- Svarants A. A. Osnovnyye ugrozy interesam Rossiyskoy Federatsii ot ideologii i politiki pantyrkizma (vneshniye i vnutrenniye aspekty) [The major threats posed to the interests of the Russian Federation emanating from the pan-Turkic ideology and policy]. *Region i mir. Region and the World*. 2010. No. 1. P. 3–11. EDN: WOFBMX. (In Russ.).
19. Шакарянц С. Э. Россия, Иран и Китай останавливали пантюркизм в Сирии, но, по сути, бросили Армению?! // *Регион и мир*. 2023. № 3. С. 9–15. EDN: PUZZOV.
- Shakaryants S. E. Rossiya, Iran i Kitay ostanavlivali pantyrkizm v Sirii, no po suti brosilii Armeniyu?! [Russia, Iran and China stopped pan-Turkism in Syria, but in fact abandoned Armenia?!]. *Region i mir. Region and the World*. 2023. No. 3. P. 9–15. EDN: PUZZOV. (In Russ.).
20. Аватков В. А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. № 14 (5). С. 162–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8. EDN: QXRUHE.
- Avatkov V. A. Postsovetskoye prostranstvo i Turtsiya: itogi 30 let [The Post-Soviet space and Turkey: the results of 30 years]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2021. No. 14 (5). P. 162–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8. EDN: QXRUHE. (In Russ.).
21. Андрухин Т. В. Политика Турции в Центральной Азии: итоги и перспективы // *Проблемы постсоветского пространства*. 2024. Т. 11, № 2. С. 126–137. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-2-126-137. EDN: EITABU.
- Andrukhin T. V. Politika Turtsii v Tsentral'noy Azii: itogi i perspektivy [Turkey's policy in central Asia: results and prospects]. *Problemy postsovetskogo prostranstva. Post-Soviet Issues*. 2024. Vol. 11, no. 2. P. 126–137. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-2-126-137. EDN: EITABU. (In Russ.).
22. Сунь Ч. Организация Тюркских Государств и пантюркизм: вчера, сегодня, завтра // *Образование и право*. 2023. № 2. С. 357–361. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-2-357-361. EDN: AYOGKT.
- Sun' Ch. Organizatsiya Tyurkskikh Gosudarstv i pantyrkizm: vchera, segodnya, zavtra [Organization of Turkic states and pan-Turkism: yesterday, today, tomorrow]. *Obrazovaniye i pravo. Education and Law*. 2023. No. 2. P. 357–361. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-2-357-361. EDN: AYOGKT. (In Russ.).
23. Евстратов А. Г. Альтернативная Евразия в тени ятаганов: пантюркизм как фактор дестабилизации геополитического БРИКС // *Страны БРИКС: Стратегии развития и механизмы сотрудничества в меняющемся мире: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. / отв. ред. М. А. Булавина, В. И. Герасимов*. Москва: Издат. дом «УМЦ», 2024. Ч. 1. С. 95–98. ISBN 978-5-6051774-8-7. EDN: OIJYAH.
- Evstratov A. G. Al'ternativnaya Evraziya v teni yataganov: pantyrkizm kak faktor destabilizatsii geopoliticheskogo BRIKS [Alternative Eurasia in the shadow of the scimitars: Pan-Turkism as a factor of destabilization of the geopolitical BRICS] // *Strany BRIKS: Strategii razvitiya i mekhanizmy sotrudnichestva v menayushchemsya mire [BRICS Countries: Development Strategies and Cooperation Mechanisms in a Changing World]*. In 2 Parts / responsible ed. M. A. Bulavina, V. I. Gerasimov. Moscow, 2024. Part 1. P. 95–98. ISBN 978-5-6051774-8-7. EDN: OIJYAH. (In Russ.).
24. Милюкова А. Г., Ковалева А. В., Валулина Е. В. Пантюркизм и геополитическая идентичность на современном Евразийском пространстве: анализ репрезентаций в СМИ // *Мировая политика*. 2021. № 1. С. 25–38. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.1.34970. EDN: TSKQNU.
- Milyukova A. G., Kovaleva A. V., Valulina E. V. Pantyrkizm i geopoliticheskaya identichnost' na sovremennom Evraziyskom prostranstve: analiz reprezentatsiy v SMI [Pan-Turkism and geopolitical identity in Modern Eurasia: the analysis of representations in the media]. *Mirovaya politika. World Politics*. 2021. No. 1. P. 25–38. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.1.34970. EDN: TSKQNU. (In Russ.).
25. Бойко С. И., Соколова В. И. Противостояние политической полиции Казанской губернии идеям панисламизма и пантюркизма в 1908–1914 годах // *Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки*. 2017. № 4. С. 33–37. EDN: ZXJCCN.
- Boyko S. I., Sokolova V. I. Protivostoyaniye politicheskoy polititsii Kazanskoy gubernii ideyam panislamizma i pantyrkizma v 1908–1914 godakh [Confrontation of the Kazan province political police to the ideas of pan-Islamism and pan-Turkism in 1908–1914]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. Bulletin of the Chuvash University*. 2017. No. 4. P. 33–37. EDN: ZXJCCN. (In Russ.).
26. Старостин А. Н. Проявления идеологии пантюркизма и панисламизма в регионах Урала и Сибири на рубежах XIX–XX веков // *Этнопанорама. Этноконфессиональные отношения в региональном измерении: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург, 2024. С. 128–143. ISBN 978-5-94162-258-0. EDN: CNJFZF.*
- Starostin A. N. Proyavleniya ideologii pantyrkizma i panislamizma v regionakh Urala i Sibiri na rubezhakh XIX–XX vekov [The results of 30 years]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2021. No. 14 (5). P. 162–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8. EDN: QXRUHE. (In Russ.).

XX vekov [Manifestations of the ideology of pan-Turkism and pan-Islamism in the regions of the Urals and Siberia at the turn of the 19th–20th centuries]. *Etnopanorama. Etnokonfessional'nnyye Otnosheniya v Regional'nom Izmerenii*. Orenburg, 2024. P. 128–143. ISBN 978-5-94162-258-0. EDN: CNJFZF. (In Russ.).

27. Королев В. И. Панисламистское и пантюркистское движение крымских татар в начале XX столетия // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6 (3). С. 308–316. DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-3-308-316. EDN: UUHMCZ.

Korolev V. I. Panislamistskoye i pantyurkistskoye dvizheniye krymskikh tatar v nachale XX stoletiya [Panislamist and Pantyurkist motion of Crimean tatars at the beginning of XX century]. *Problemy postsovetского prostranstva. Post-Soviet Issues*. 2019. No. 6 (3). P. 308–316. DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-3-308-316. EDN: UUHMCZ. (In Russ.).

28. Гусева Ю. Н., Сеньюткина О. Н. «Пантюркизм» в архивных источниках эпохи сталинизма (1944–1953) // Российская история. 2023. № 6. С. 122–130. DOI: 10.31857/S2949124X23060135. EDN: PTFBXA.

Guseva Yu. N., Senyutkina O. N. «Pantyurkizm» v arkhivnykh istochnikakh epokhi stalinizma (1944–1953) [“Pan-Turkism” in archival sources of Stalinism (1944–1953)]. *Rossiyskaya istoriya. Russian History*. 2023. No. 6. P. 122–130. DOI: 10.31857/S2949124X23060135. EDN: PTFBXA. (In Russ.).

29. Котюкова Т. В. «Политическая дела» в Туркестане в начале XX в.: «Шпиономания» или «Охота на ведьм» // Ислам в современном мире. 2016. № 12 (3). С. 155–176. DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-155-176. EDN: XFWCSJ.

Kotyukova T. V. «Politicheskaya dela» v Turkestane v nachale XX v.: «Shpionomaniya» ili «Okhota na ved'm» [“Political Cases” in Turkestan in early 20th century: “Spy-mania” or “Witch-hunt”]. *Islam v sovremennom mire. Islam in the Modern World*. 2016. No. 12 (3). P. 155–176. DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-155-176. EDN: XFWCSJ. (In Russ.).

30. Юзеев А. Н. Исламизм, тюркизм и татаризм как компоненты общественно-политического сознания татар начала XX века // Ислам в современном мире. 2018. № 14 (1). С. 173–182. DOI: 10.22311/2074-1529-2018-14-1-173-182. EDN: YVPUVS.

Yuzeyev A. N. Islamizm, tyurkizm i tatarizm kak komponenty obshchestvenno-politicheskogo soznaniya tatar nachala XX veka [Islamism, Turkism and Tatarism as components of social-politic consciousness tatars at the beginning of the XX century]. *Islam v sovremennom mire. Islam in the Modern World*. 2018. No. 14 (1). P. 173–182. DOI: 10.22311/2074-1529-2018-14-1-173-182. EDN: YVPUVS. (In Russ.).

31. Сеньюткина О. Н., Гусева Ю. Н. Панисламизм и пантюркизм в осмыслении российских чиновников // Новый исторический вестник. 2019. № 2. С. 21–36. DOI: 10.24411/2072-9286-2019-00010. EDN: DXKYEA.

Senyutkina O. N., Guseva Yu. N. Panislamizm i pantyurkizm v osmyslenii rossiyskikh chinovnikov [Pan-Islamism and pan-Turkism as understood by Russian officials (early 20th century)]. *Novyy istoricheskiy vestnik. The New Historical Bulletin*. 2019. No. 2. P. 21–36. DOI: 10.24411/2072-9286-2019-00010. EDN: DXKYEA. (In Russ.).

32. Сеньюткина О. Н. «Панисламизм с самого возникновения на Кавказе носил окраску пантюркизма»: идеи тюркского и исламского единства в оценках российской власти в начале XX века // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 33–49. DOI: 10.28995/2073-0101-2025-1-33-49. EDN: SIRZRC.

Senyutkina O. N. «Panislamizm s samogo vzniknoveniya na Kavkaze nosil okrasuku pantyurkizma»: idei tyurkskogo i islamskogo edinstva v otsenkakh rossiyskoy vlasti v nachale XX veka [“Pan-Islamism from the very emergence in the Caucasus carried the coloring of pan-Turkism”: the ideas of Turkic and Islamic unity in the assessments of the Russian authorities in the early XX century]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*.

2025. No. 1. P. 33–49. DOI: 10.28995/2073-0101-2025-1-33-49. EDN: SIRZRC. (In Russ.).

33. Аксенов К. Э., Андреев М. В. Городская символическая политика и пространственная диффузия геополитических инноваций в Российской Федерации // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. № 85 (6). С. 870–887. DOI: 10.31857/S2587556621060030. EDN: HZJZRM.

Aksenov K. E., Andreyev M. V. Gorodskaya simvolicheskaya politika i prostranstvennaya diffuziya geopoliticheskikh innovatsiy v Rossiyskoy Federatsii [Urban forms of spatial diffusion of geopolitical innovations in the Russian Federation]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya. Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. 2021. No. 85 (6). P. 870–887. DOI: 10.31857/S2587556621060030. EDN: HZJZRM. (In Russ.).

34. Сеньюткина О. Н., Гусева Ю. Н. «Панисламизм» и «пантюркизм» в российском общественно-политическом дискурсе конца XIX–первой трети XX веков: методологические размышления // Новый исторический вестник. 2024. № 3 (81). С. 183–214. DOI: 10.54770/20729286_2024_3_183. EDN: TUJZFK.

Senyutkina O. N., Guseva Yu. N. «Panislamizm» i «pantyurkizm» v rossiyskom obshchestvenno-politicheskom diskurse kontsa XIX–pervoy treti XX vekov: metodologicheskiye razmyshleniya [“Pan-Islamism” and “Pan-Turkism” in Russian socio-political discourse from the late 19th through the first third of the 20th centuries: methodological reflections]. *Novyy istoricheskiy vestnik. The New Historical Bulletin*. 2024. No. 3 (81). P. 183–214. DOI: 10.54770/20729286_2024_3_183. EDN: TUJZFK. (In Russ.).

ГУМЕРОВ Марсель Марсович, соискатель Департамента истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (МГПУ), г. Москва; исполнитель проекта РФФ № 24-28-00188 Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород.

SPIN-код: 8424-1358

AuthorID (РИНЦ): 79218714

ORCID: 0000-0002-3424-7920

ResearcherID: GRS-7984-2022

Адрес для переписки: marsel-gumerov0@mail.ru

ГУСЕВА Юлия Николаевна, доктор исторических наук, профессор Департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, г. Москва.

SPIN-код: 6359-7461

AuthorID (РИНЦ): 306741

ORCID: 0000-0002-5731-7274

AuthorID (SCOPUS): 57191410414

Адрес для переписки: j.guseva@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 17.07.2025; принята к публикации 17.11.2025.

GUMEROV Marsel Marsovich, Applicant at the History Department, Institute of Humanities, Moscow City University, Moscow; Project Researcher of the RSF № 24-28-00188 of the Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod. SPIN-code: 8424-1358

AuthorID (RSCI): 79218714
ORCID: 0000-0002-3424-7920
ResearcherID: GRS-7984-2022

Correspondence address: marsel-gumerov0@mail.ru

GUSEVA Yulia Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the History Department, Institute of Humanities, Moscow City University, Moscow;

SPIN-code: 6359-7461

AuthorID (RSCI): 306741

ORCID: 0000-0002-5731-7274

AuthorID (SCOPUS): 57191410414

Correspondence address: j.guseva@mail.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 17.07.2025; accepted for publication 17.11.2025.